

Глава 63

Слова Чу Фэнцина и впрямь заставили Цзи Юйцзиня замереть на месте. Он открыл рот, но не смог произнести ни звука.

Чу Фэнцин:

— Можно?

— Э-э... — Цзи Юйцзинь поспешно подвинулся, словно наивный мальчик. Подняв глаза, он увидел бледные губы Чу Фэнцина, нахмурился и наконец отреагировал: — В экипаже слишком холодно, и ты не можешь уснуть?

Чу Фэнцин помедлил мгновение, прежде чем тихо произнести «Эн».

Цзи Юйцзинь обнял его и плотно укутал одеялом. Он был полной противоположностью Чу Фэнцину. Какой бы холодной ни была погода, он был как угольная печь. Он коснулся руки Чу Фэнцина:

— Почему так холодно? Я не продумал это. Угольная печь в экипаже слишком мала и бесполезна.

Чу Фэнцин тоже ответил «Эн». Изначально он лежал спиной к Цзи Юйцзиню, но теперь повернулся и оказался лицом к Цзи Юйцзиню, уткнувшись головой в изгиб его шеи.

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил. Слегка горячее дыхание Чу Фэнцина коснулось его кожи.

Чу Фэнцин почувствовал тепло, понежившись в его объятиях некоторое время. Когда его тело согрелось, его начало клонить в сон. Цзи Юйцзинь понизил голос:

— Спи. Завтра нам нужно проехать ещё один день. Если ты не выступишься сегодня ночью, боюсь, завтра ты не выдержишь.

Чу Фэнцин моргнул, но всё же закрыл глаза, как было сказано.

Чу Фэнцин мог заснуть здесь, но Цзи Юйцзинь был в жалком состоянии. Его возлюбленный был в его объятиях, и оба они были молодыми людьми, полными сил и энергии. Как он мог не иметь других мыслей? Это было как огонь, горящий в его сердце, сжигающий его губы и язык досуха. Он тихо вздохнул.

Как только он опустил голову в свете костра, он увидел губы Чу Фэнцина, окрашенные

температурой. Они были не очень красными, лишь слегка белыми с оттенком кровавого цвета. Его брови были тоньше, чем у обычных мужчин, но формы были очень красивы. Чу Фэнцин и впрямь был хорош собой; хрупкий, но не женственный.

Цзи Юйцзинь, казалось, был одержим. Он слегка опустил голову и запечатлел поцелуй на его губах. Он был таким лёгким, что поцелуй исчез мгновенно, как стрекоза, скользящая по поверхности воды.

Он не знал, было ли это его иллюзией или чем-то ещё, но когда их губы соприкоснулись, дыхание Чу Фэнцина, казалось, стало тяжелее, что так напугало Цзи Юйцзиня, что он затаил дыхание и не осмелился двигаться, боясь разбудить его.

К счастью, он подождал мгновение, и Чу Фэнцин совсем не пошевелился, лишь зарывшись головой глубже. Возможно, он ошибся.

В тихой ночи Цзи Юйцзинь был очень шумным. Его глаза становились всё темнее и темнее, когда он смотрел на человека в своих объятиях, как сильный ветер, пронсящийся мимо, и его глаза мгновенно наполнились всепоглощающей любовью и желанием.

Это плохо.

Цзи Юйцзинь закрыл глаза, но не осмелился отпустить человека перед собой. Он мог только терпеть.

Рано утром следующего дня костёр, горевший всю ночь, наконец погас. Несколько резких потрескивающих звуков раздалось, и белый дым бесконечно поднимался в небо.

Когда Чу Фэнцин открыл глаза, Цзи Юйцзиня не было рядом. Он сел и посмотрел в сторону ручья с оттенком сомнения в глазах.

Через некоторое время Цзи Юйцзинь вернулся, весь мокрый. Чу Фэнцин уже собрал свои вещи и даже достал немного сухого пайка, разогрев его на углях, которые всё ещё были тёплыми.

Чу Фэнцин:

— Ты вернулся. Хочешь воды?

Кадык Цзи Юйцзиня скользнул, и ему было слишком неловко говорить, что он делал. Он сел рядом с Чу Фэнцином и спросил:

— Тебе холодно?

Чу Фэнцин:

— Эн, костёр погас. Я пытался разжечь его, но он не загорался.

Он никогда раньше не сталкивался с такими вещами. У него была астма, а кухня была дымным и жарким местом, поэтому его мать никогда не позволяла ему туда приближаться. Не говоря уже о том, что у него почти не было опыта в дикой местности.

Цзи Юйцзинь рассмеялся:

— Я думал, ты владеешь всеми восемнадцатью боевыми искусствами, но, оказывается, есть вещи, которых ты не знаешь.

Чу Фэнцин на мгновение опешил. Было так много вещей, которых он не знал, но он чувствовал, что Цзи Юйцзинь, казалось, знал понемногу обо всём, поэтому он сказал:

— Это неважно. Пока ты это знаешь, всё будет хорошо.

На этот раз была очередь Цзи Юйцзиня опешить. Эти слова легко можно было неправильно понять. Если прислушаться, они звучали как слова, передающие сердечные чувства. Однако он также знал, что Чу Фэнцин сказал эти слова без всякого умысла, поэтому он улыбнулся и сказал:

— Это верно.

Огонь, который был чрезвычайно непослушным перед Чу Фэнцином, стал очень послушным в руках Цзи Юйцзиня. Чу Фэнцин казался невнимательным, но на самом деле он запомнил каждый шаг разжигания огня в своём уме, один за другим. Шаги были явно одинаковыми, так почему же он не мог разжечь его?

Никто не знал, куда ушёл Цин Няо рано утром. Когда он вернулся, он держал в руках связку диких фруктов. Он протянул фрукты им двоим. Чу Фэнцин съел один, и он был кислым, сладким и очень аппетитным.

После того как костёр погас, Чу Фэнцин первым вошёл в экипаж, а Цзи Юйцзинь и Цин Няо сидели снаружи.

Экипаж медленно и тряско двигался вперёд. Цин Няо смотрел вперёд и тихо доложил:

— Кто-то следует за нами.

— Нужно ли нам действовать?

Цзи Юйцзинь вертел в руке конскую плеть и не удивился, услышав это. Он уже обнаружил это, но пока не знал, кто эти люди. Тот факт, что они не предпринимали действий всю дорогу, означал, что они не будут действовать опрометчиво, по крайней мере, до прибытия в Цзяннань.

— Нет, пусть следуют. — Цзи Юйцзинь потёр брови. Прошлой ночью он плохо спал, и тряска экипажа вызвала у него сонливость. — Должно быть, не одна группа людей. Поговорим об этом, когда доберёмся до Цзяннаня.

С этими словами он зевнул:

— Цин Няо, веди экипаж ровнее. Этот экипаж трясётся и вызывает у меня головную боль.

Цин Няо взглянул на плеть в руке Цзи Юйцзиня и без выражения сказал:

— Да.

Он просто потерял дар речи.

На вторую ночь Чу Фэнцин снова заснул. Цзи Юйцзинь страдал, но был счастлив. Поздно ночью Цзи Юйцзинь беспомощно открыл глаза. Нет, он не мог спать. Он не был Лю Сяхуэем¹ и не мог быть тем благородным мужем.

¹Лю Сяхуэй — человек высоких моральных качеств в древнем Китае, которого нелегко было соблазнить искушениями (такими как красота и деньги).

Человек перед ним лежал беззащитно в его объятиях, как он мог это вынести? Он слегка наклонил голову вниз и прижался губами к губам собеседника. В отличие от вчерашнего поспешного поцелуя, на этот раз он целовал его мягко и намеренно.

Но у него всегда была иллюзия, что дыхание Чу Фэнцина изменилось.

Дни проходили именно так, и они не встретили никакой опасности в пути. Однако дорога была и впрямь длинной, и Чу Фэнцин сильно страдал, что очень огорчало Цзи Юйцзиня.

Более того, дух Чу Фэнцина становился всё хуже и хуже, возможно, потому что он скучал по дому. Когда он приехал сюда, ему пришлось столкнуться с вещами, которых он избегал все эти дни. Когда он закрывал глаза ночью, перед ним возникало лицо его старшего брата или

грандиозная сцена, когда вся его семья собиралась вместе. Мелочи, которые казались редкими и обыденными в прошлом, теперь казались такими живыми.

Такими недостижимыми.

Цзи Юйцзинь всё это замечал. Он мало что мог сделать. Мёртвых не воскресить, но слова вроде «мне жаль» совсем не утешали бы его, поэтому он никогда ничего не говорил и просто тихо оставался рядом с ним.

Однако, кроме того, что случилось с его старшим братом, что нельзя обратить вспять, он может защитить остальных членов его семьи, и всегда настанет день, когда они воссоединятся.

Вот так они наконец прибыли в Цзяннань.

Чу Фэнцин отправился в эскортное агентство с Цзи Юйцзинем, сопровождавшим его, и без проблем получил вещи. Когда они вышли, Чу Фэнцин не увидел Цин Няо, поэтому спросил.

Цзи Юйцзинь:

— Цин Няо занят другими делами. Но это и есть так называемые улики?

Чу Фэнцин кивнул. Там были две бухгалтерские книги, но у него ещё не было времени прочитать, что в них записано.

Они вернулись в старую резиденцию Чу Фэнцина. У двери оставался только один слуга, охранявший вход. Когда старый слуга увидел Чу Фэнцина, он подумал, что у него помутилось в глазах:

— Второй молодой господин, это и впрямь вы?

Чу Фэнцин слегка изогнул губы:

— Дядя Ли, спасибо за ваш тяжёлый труд.

Убедившись, что это и впрямь Чу Фэнцин, он разрыдался:

— Второй молодой господин, вы наконец вернулись. Я думал, что никогда больше не увижу вас всех в этой жизни.

Старик с седыми волосами и сгорбленным телом плакал и смеялся одновременно. Его рука несколько раз дрожала, когда он вставлял ключ, прежде чем он вошёл:

— Хорошо, что вы вернулись... хорошо, что вы вернулись.

Он взглянул за спину Чу Фэнцина и не увидел ни старшего молодого господина, ни господина, ни госпожи, ни юной госпожи. Хорошая семья была разрушена вот так. Его рот искривился, морщины собрались, и слёзы снова навернулись на его мутные глаза. Боясь вызвать у Чу Фэнцина печаль, он опустил голову и вытер их своими пыльными рукавами.

Чу Фэнцин чувствовал себя очень неудобно, словно его сердце кололи иглой.

Со скрипом дверь распахнулась. Внутри было чисто, но в воздухе витал дух старины. Без жильцов старый дом быстро начинал меняться.

Дядя Ли сказал:

— Я прихожу убирать каждый день, но не понимаю, почему за одну ночь повсюду появляются опавшие листья и паутина. Листья лотоса в пруду пышно разрастаются, но этот старый слуга чувствует себя бессильным перед прудом и искусственной скалой. Раньше было не так.

— Ничего, спасибо, дядя Ли.

Чу Фэнцин поднял взгляд и увидел, что это всё ещё был тот же дом, но внезапно он показался огромным — ощущение, которого он никогда раньше не замечал.

В главном зале всё ещё висели белые паруса, которые ещё не были сняты. Он пошёл вперёд, но шаги его были очень медленными.

Поскольку от его старшего брата не осталось останков, был построен только кенотаф. Его табличка с духом должна была быть помещена в зал предков, но из-за множества дел в то время у него не было возможности, поэтому она осталась в вестибюле.

Чу Фэнцин перешагнул через порог, взял палочку благовоний сбоку, зажёл её и вставил в курильницу. Затем он долго смотрел на табличку с духом, прежде чем прошептать:

— Старший брат, я вернулся.

Он всё ещё немного ошеломлён смертью своего старшего брата. Его старший брат часто не бывает дома, поэтому иногда он задаётся вопросом, жив ли его старший брат и здоров ли он где-то.

Тогда это случилось очень внезапно.

Как только он вернулся с врачебной консультации в тот день, он услышал плач по всему дому. Снаружи дома была привязана лошадь. Он подавил неуверенность в своём сердце и пошёл в главный зал. Его мать и младшая сестра уже плакали. Посреди главного зала солдат в солдатской одежде стоял на одном колене, держа в руках белый флаг, который использовался для объявления о смерти.

От его старшего брата не осталось и следа тела. У него кружилась голова, но он мог лишь заставить себя выяснить всю историю. Он не осознавал, что может оставаться таким собранным. Он разослал похоронные приглашения родственникам и друзьям и провёл похороны. Но ещё до их завершения его отец, спешивший обратно, попал в другую беду.

Затем последовал устроенный брак его младшей сестры с евнухом, который был кровожадным и обладал извращённым нравом. Одно за другим не давало ему возможности перевести дух.

Он не мог смотреть, как его младшая сестра умирает, поэтому он надел свадебное платье, чтобы заменить её. Его младшая сестра и мать сначала не хотели, но он в кои-то веки был твёрд. Он пошёл туда с намерением умереть, лишь бы спасти отца, ему всё равно оставалось недолго, так что в конце концов это всё равно была победа.

Но Цзи Юйцзинь — это переменная.

Цзи Юйцзинь поджал губы и зажёл палочку благовоний, подражая действиям Чу Фэнцина. Чу Фэнцин повернулся и посмотрел на него с редким обжигающим взглядом.

Если и была какая-то удача во всём этом, так это встреча с Цзи Юйцзинем; иначе он не мог представить, в каком положении он бы сейчас оказался. Без защиты Цзи Юйцзиня он и его отец не выжили бы. По крайней мере, теперь дорога впереди гораздо светлее.

Итак —

Цзи Юйцзинь был единственным благословением в несчастье среди всех его бед.

<http://bllate.org/book/17231/1618966>